

После обеда они вышли из ресторана. Лян Сычжэ подошёл к краю дороги, собираясь поймать такси. Изначально он планировал поехать на автобусе, ведь вчера он потратил почти 10 тысяч на кондиционер, и сейчас у него было не очень много денег.

Вчера утром, когда он ехал на автобусе в магазин электроники, он заранее посмотрел на карту на автобусной остановке и запомнил маршрут до Консерватории. Но теперь, когда Цао Е решил поехать с ним, он передумал и решил взять такси, ведь этот молодой господин, вероятно, никогда не ездил на автобусе.

Когда они подошли к дороге, на противоположной стороне на красный свет остановилось такси. Лян Сычжэ уже собирался поднять руку, чтобы остановить его, как вдруг Цао Е схватил его за запястье и, кивнув в сторону недалеко расположенной станции метро, сказал:

— Давай поедem на метро.

— А? — Лян Сычжэ опешил. Он подумал: «Неужели Цао Е догадался, что он сейчас на мели?»

— Я никогда не ездил на метро, — сказал Цао Е, глядя на станцию.

— О. — Лян Сычжэ обернулся. — Давай, я тоже никогда не ездил на метро. — Правда, причина была другой: в Яньчэне не было метро.

Два года назад в местных новостях говорили, что в течение пяти лет будет запущена первая линия метро, и Яньчэн вступит в «эпоху метро». Тогда за обеденным столом родители даже немного поспорили об этом — они могли поссориться из-за любой мелочи. Лян Сычжэ не помнил точную причину их ссоры, казалось, это было просто небольшое разногласие по какому-то пустяковому поводу, и они непонятно из-за чего начали препираться.

Лян Сычжэ помнил, что он молча ел, слушая, как они ссорились, не слишком громко, но с язвительными замечаниями, и ему это ужасно надоело. Ему очень хотелось крикнуть им: «Разведитесь уже!», но он подавил раздражение и промолчал. Быстро доев, он положил палочки на стол, встал и ушёл в свою комнату. Сейчас он немного жалел об этом. Если бы он тогда крикнул, это изменило бы ход событий? Могло ли это предотвратить ту аварию?

Указатели в метро были понятными, и, хотя ни один из них раньше не ездил на метро, они легко купили билеты и прошли на станцию. Днём в метро было немногочисленно, но все места были заняты, поэтому им пришлось стоять в проходе, держась за поручни.

Как только они вошли в вагон, Цао Е ответил на звонок. Лян Сычжэ услышал, как он назвал какое-то имя, которое раньше не слышал, или, может быть, слышал, но забыл.

У Цао Е было много друзей, он упоминал при нём имена нескольких из них: Линь Янь, Чи Минъяо, Хэ Фанвэнь, Да Бай... Некоторые имена он запомнил, потому что слышал их чаще, но

большинство забыл.

Как только Цао Е ответил на звонок, он загадочным тоном попросил собеседника угадать, где он находится. Тот несколько раз назвал неправильные места, и тогда Цао Е радостно объявил:

— Я в метро! Ты ездил когда-нибудь на метро?

Собеседник что-то ответил, и Цао Е сказал:

— Я не пойду, в прошлый раз, когда я тебе звонил, у тебя не было времени, а теперь у меня нет времени... Что за чушь, купишь мне метро? Ты, скорее, сможешь купить мне только модель поезда!

Лян Сычжэ смотрел на мелькающую за окном рекламу и слушал, как Цао Е препирается с кем-то по телефону. Проведя столько времени с Цао Е на улице Иньсы, он почти забыл, что они из разных миров. Если бы Цао Сююань и Чжэн Инь не отправили их в «Лазурную вечеринку», он бы, возможно, никогда не пересекся с этим юношей, который никогда не ездил ни на автобусе, ни на метро.

Впрочем, он и сам раньше редко ездил на автобусе. У него всегда было достаточно карманных денег, а скрипка, которую он всегда носил за спиной, стоила очень дорого, поэтому, если была возможность взять такси, он никогда не шёл лишние несколько сотен метров до остановки, чтобы дождаться автобуса.

Кроме того, каждую пятницу после школы автобусы были переполнены, и стоять в давке было очень неприятно. Несколько лет назад он один раз попал в такую ситуацию и с тех пор больше никогда не ездил на автобусе в пятницу днём.

Возможно, именно потому, что раньше он тратил деньги не задумываясь, за последний год шестизначная сумма на его банковском счёте превратилась в пятизначную.

Только на восстановление пальца он сразу потратил больше 100 тысяч. В отчаянии он хватался за любую возможность, думая, что это поможет, но в итоге оказалось, что это был просто мошеннический реабилитационный центр. Он несколько месяцев упорно занимался, а потом пошёл на обследование в городскую больницу, где врач сказал ему, что из-за повреждения нервов при переломе он никогда не сможет восстановить подвижность пальцев, необходимую для игры на скрипке, и, скорее всего, его просто обманули. Вернувшись домой, он вдруг понял, что его надежда снова играть на скрипке была всего лишь иллюзией, и в порыве гнева разбил скрипку, которая была ему дороже всего.

Если бы Цао Сююань тем вечером не появился у него на пороге, то, скорее всего, на следующее утро он отправился бы в тот мошеннический реабилитационный центр и устроил

скандал. Он уже всё спланировал: сначала избил бы того инструктора по реабилитации, который больше говорил, чем делал, и сломал бы ему два пальца, а потом поднялся бы на восьмой этаж и вытащил директора, которого постоянно показывали в фальшивой рекламе по телевизору, и тоже избил бы его, сломав два пальца.

Разве они не обещали восстановить сломанный палец? Разве в рекламе не говорили, что всё будет как раньше? Разве во время консультации они не сыпали профессиональными терминами и не гарантировали, что он снова сможет играть на скрипке? Так пусть они сами испытают на себе, насколько эффективны их методы реабилитации! Чем больше шума, тем лучше, пусть СМИ бесплатно прорекламируют их и все узнают, что это мошенники.

«Если бы я тогда действительно это сделал, то сейчас, наверное, сидел бы в тюрьме...» — задумался Лян Сычжэ.

Цао Е закончил телефонный разговор и увидел, что Лян Сычжэ смотрит в окно на темный тоннель. Он не удержался и спросил:

— О чём ты думаешь?

Лян Сычжэ моргнул и, очнувшись, ответил:

— Я думаю о том, как удивительна судьба...

Судьба загнала его в угол, лишив всего, но в то же время не давала ему опуститься на самое дно, постоянно создавая иллюзию надежды и подарив ему знакомство с таким необыкновенным юношей. Она мучила его, не давая ему ни упасть, ни подняться. В конце концов, зачем судьба так мучает его, на какой путь она хочет его вывести?

Но он промолчал об этом и, повернувшись к Цао Е, медленно произнёс:

— Не могу поверить, что мы с тобой познакомились.

В его голосе не было ни радости, ни гнева. Цао Е тоже на мгновение задумался:

— Ты что, не рад нашему знакомству?

— Нет. — Лян Сычжэ понял, что его слова могли быть неправильно истолкованы, и добавил: — Я просто подумал, что, если бы я поступил в университет, как и планировал, у меня, возможно, не было бы шанса познакомиться с тобой.

Ведь если бы он мог играть на скрипке, даже если бы Цао Сююань пришёл к нему с предложением стать актёром, он бы, скорее всего, без колебаний отказался... Раньше он был твёрд в своих намерениях и никогда не думал о том, чтобы стать актёром.

— Кто знает, — сказал Цао Е, подумав. — Возможно, мы бы познакомились в метро.

— В метро?

— Да. Послушай, я никогда раньше не ездил на метро и всегда хотел знать, как там внутри. Поэтому я бы всё равно прокатился, если не с тобой, то с другими друзьями, а может быть, и один. А ты бы учился в консерватории, — продолжал Цао Е, непринуждённо положив руку ему на плечо, — и иногда тебе бы приходилось ездить на метро. И вот так мы бы встретились. В вагоне не было бы свободных мест, мы стояли бы, так же держась за поручни. Я увидел бы, что у тебя за спиной скрипка, а я ведь тоже играю на скрипке, поэтому, возможно, я бы заговорил с тобой, и мы бы разговорились, нам было бы весело, мы обменялись бы номерами и стали друзьями. И в этот момент, динь! — пути судьбы пересеклись бы.

— Ха, такое вполне возможно... — И эта возможность была довольно милой, от неё невольно поднималось настроение. Лян Сычжэ улыбнулся. — Ты никогда не думал пойти по стопам отца и стать режиссёром?

— Хм, нет уж, увольте, — категорически отказался Цао Е.

Лян Сычжэ был немного удивлён:

— Почему?

— С таким характером, как у моего отца, ему бы ни один мой фильм не понравился, он бы точно начал указывать, что и как мне делать. К тому же, он практически уже стал легендой при жизни [1], и как бы хорошо я ни работал, я всегда буду в его тени, меня будут постоянно сравнивать с ним все, кому не лень. Даже думать об этом не хочется...

[1] 封神 (fēng shén) дословно переводится как «он уже почти стал богом». 封神 (fēng shén) — это отсылка к китайской мифологии и роману «Сотворение Богов» (封神/Investiture of the Gods), в котором рассказывается о том, как герои и достойные люди после смерти становятся богами. В современном китайском языке это выражение используется для описания того, кто достиг невероятного уровня мастерства или успеха в своей области, стал легендой при жизни. Оно несёт в себе оттенок преувеличения и иронии.

— Это точно, — улыбнулся Лян Сычжэ. Он не ожидал, что Цао Е, который производил впечатление избалованного мальчишки, на самом деле так здраво рассуждает.

Когда они почти вышли из метро, ему позвонил одноклассник из старшей школы. Узнав, что

Лян Сычжэ едет на метро, он предложил встретить его у выхода.

Когда Лян Сычжэ и Цао Е поднялись на эскалаторе, у выхода их ждали трое одноклассников: две девушки и парень. Они болтали и смотрели вниз, ожидая их появления. Увидев Лян Сычжэ, все трое одновременно выпрямились и помахали ему.

Лян Сычжэ сошёл с эскалатора, и парень подошёл к нему, похлопал по плечу и сказал с улыбкой:

— Давно не виделись, Сычжэ! Я тебя сначала даже не узнал.

— Да, давно не виделись. — Лян Сычжэ тоже улыбнулся ему в ответ.

Парень посмотрел на него:

— Тебе идёт эта причёска. Когда ты отрастил волосы?

— Для фильма? — спросила одна из девушек.

— Нет, — со смехом ответил Лян Сычжэ. — Дома мне было лень идти в парикмахерскую, волосы отросли, стало жарко, вот я и собрал их в хвост.

— А... это кто? — Парень кивнул на Цао Е.

— Это мой друг. — Лян Сычжэ обнял Цао Е за плечи. — Цао Е. — Затем он представил Цао Е своим одноклассникам, представив сначала парня. — Ван Хаймин, дирижёр, — а потом девушек, — Му Кэ, скрипка, Мэн Янсинь, аккордеон.

— Вы вместе снимаетесь в фильме? — спросила Мэн Янсинь, посмотрев на Лян Сычжэ, а затем на Цао Е.

Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е, собираясь сменить тему, но тот опередил его и с улыбкой ответил:

— Ага, мы играем братьев. Похожи?

— Хм... — Девушка поверила и серьёзно посмотрела на них, потом переглянулась с другой девушкой и неуверенно произнесла. — У вас рост одинаковый...

— Не может быть? Разве мы не похожи? — Цао Е сделал серьёзный вид. — Режиссёр выбрал нас именно потому, что мы похожи.

— Вроде есть что-то общее, — сказала Му Кэ, вторая девушка. — Носы... носы немного похожи, да?

— Правда? А мне кажется, что совсем не похожи... Вы родные братья?

— Названные братья [2], — ответил Цао Е.

[2] 结拜兄弟 (jié bài xiōng dì) означает «поклонившиеся братья, побратимы». Это относится к древнему китайскому обычаю, когда мужчины, не связанные кровным родством, проводили специальный ритуал (церемонию) и становились названными братьями. Этот ритуал включал в себя клятвы верности и взаимной поддержки, поэтому такие отношения считались очень крепкими и священными. Побратимы обязывались помогать друг другу во всем, быть верными и преданными.

— Ха! — рассмеялась Мэн Янсинь. — Тогда какое уж тут сходство? Ты нас разыгрываешь.

Цао Е быстро нашёл общий язык с девушками. Они шли медленнее, поэтому немного отстали.

Лян Сычжэ и Ван Хаймин шли впереди, на пару шагов впереди остальных. Ван Хаймин понизил голос:

— Дела в Яньчэне уладились?

— Почти, — ответил Лян Сычжэ.

— Та семья... они больше не досаждали тебе?

— Нет, после выплаты компенсации они успокоились.

— Сколько в итоге им пришлось заплатить?

— По решению суда — больше миллиона. — Ему не очень хотелось говорить об этом, но Ван Хаймин очень помог ему после того случая, поэтому Лян Сычжэ не мог просто уйти от разговора.

— Больше миллиона... — Ван Хаймин нахмурился. — У тебя сейчас достаточно денег?

— Хватает, после выплаты ещё много осталось. — Лян Сычжэ попытался сделать беззаботный вид и улыбнулся. — К тому же, у меня есть две квартиры, не волнуйся. — Хотя он и не думал их продавать. В старой квартире он прожил с детства больше десяти лет, она была полна воспоминаний. В новую они переехали всего два года назад, перед аварией, и её планировку и

дизайн полностью разработал его отец, поэтому он не мог просто взять и продать её.

— А твой опекун? Это твоя тётя, верно?

— Её дочь учится в выпускном классе, ей и со своими делами хватает забот. К тому же, после восемнадцати мне уже не нужен опекун. Так даже лучше, у меня больше свободы.

— Но всё-таки здорово, что тебя выбрали для съёмок в фильме, да ещё и сам Цао Сююань. Быть звездой куда перспективнее, чем играть на скрипке, — попытался утешить его Ван Хаймин.

Лян Сычжэ улыбнулся, не соглашаясь и не опровергая:

— Какая ещё звезда? Это всё ещё под вопросом. Нужно ещё пройти прослушивание. Неизвестно, выберут меня или нет.

— С твоими данными тебя точно должны выбрать. Ты посмотри, кто сейчас популярен. Тот, кого Цао Сююань выбрал пару лет назад, Чжан Минхань, кажется? Вроде ничего особенного, худенький, как девчонка. А ты... ты же лицо нашей музыкальной школы.

— Не переоценивай меня. — Лян Сычжэ улыбнулся и покачал головой. — После проб ещё будут прослушивания, и не с одним человеком, а со многими. И даже после прослушивания не факт, что выберут только одного. В таких фильмах с новичками всякое может случиться.

— Правда? Так всё сложно...

Парни впереди шли быстро, и расстояние между ними увеличилось с пары шагов до нескольких метров. Мэн Янсинь понизила голос и, толкнув Му Кэ локтем, сказала:

— Он сильно изменился, да?

— А как же иначе? — Му Кэ посмотрела на неё.

— Эх, он совсем не тот человек, что раньше.

— Что значит «сильно изменился»? — Цао Е понял, что они говорят о Лян Сычжэ, и ему стало любопытно.

Всего за несколько минут девушки прониклись к нему доверием, и Мэн Янсинь, кивнув в сторону Лян Сычжэ, сказала:

— Мы о Лян Сычжэ. Раньше он был первой скрипкой в нашем школьном симфоническом

оркестре. Ты же знаешь, что он раньше играл на скрипке?

— Знаю, — кивнул Цао Е.

— У него послужной список... как бы это сказать...

— Блистательный, — подхватила Му Кэ.

— Точно, блистательный! Помню, когда мы ездили на выступления в провинцию, как только он появлялся на сцене, то сразу поднимал престиж нашего оркестра. Скрипки сидят впереди, а он ещё и первая скрипка. Когда он выходил в костюме... Вау! Все зрители смотрели только на него...

— А ещё сольные выступления, — добавила Му Кэ.

— Да, он ещё и солировал на скрипке... Ему особенно шли такие, немного экспрессивные мелодии. Стоило на него взглянуть, и сразу становилось понятно, что такое быть молодым и полным жизни. Наверное, потому что он сам такой — экспрессивный и гордый...

— И лиричные мелодии ему тоже хорошо давались. «Лянчжу» [3], например, такая меланхоличная, классическая, ему очень подходила. — Му Кэ говорила мягче, чем Мэн Янсинь. — И мне кажется, что он не такой уж и гордый. С ним легко общаться, у него своеобразное чувство юмора, он может вдруг так подколоть...

[3] это снова упоминание оперы «Лянчжу» (Влюблённые-бабочки).

— Она его фанатка, поэтому видит всё сквозь розовые очки, — со смехом сказала Мэн Янсинь, обращаясь к Цао Е, а затем повернулась к Му Кэ. — «Легко общаться» не значит «не гордый». Сколько раз он тебя подкалывал?

— Это же были шутки, — заступилась за Лян Сычжэ Му Кэ.

— Экспрессивный... — Цао Е задумчиво поднял голову и посмотрел на спину идущего впереди Лян Сычжэ. Честно говоря, он только в воображении мог представить того экспрессивного, гордого, полного энтузиазма первую скрипку Лян Сычжэ, о котором они говорили. Тот образ никак не вязался с Лян Сычжэ, которого он знал.

— Сейчас он, конечно, не такой. Я говорю о том времени, когда он учился в школе. — Мэн Янсинь вздохнула. — Эх, так жаль... Он должен был поехать за границу на конкурс, но по дороге в аэропорт попал в аварию. Его отец...

Му Кэ тронула её за руку и взглядом попросила замолчать. Мэн Янсинь поняла, что сболтнула

лишнего, и тут же умолкла. Цао Е не заметил их переглядываний. Он всё ещё думал о том энергичном Лян Сычжэ, о котором рассказывала Мэн Янсинь.

Лян Сычжэ, которого он знал, с самого начала был немногословным, резким, серьёзным, ранимым. Он был похож на загнанного зверя, не видящего выхода из сложившейся ситуации. Цао Е вдруг вспомнил слова Лян Сычжэ: «Если не пройду прослушивание... не знаю, наверное, вернусь в Яньчэн. Мне просто интересно, что это за сценарий. Никогда раньше не видел». И ещё, когда он держал в руках толстый том «Работа актёра над собой»: «Как такая специализированная книга может быть интересной?»

Переход из знакомого мира скрипки в совершенно незнакомый мир кино был процессом практически полного перерождения. Наверное, в душе Лян Сычжэ был совсем не так спокоен и невозмутим, как показывал. Фразу «Я думал, что не пройду прослушивание» Цао Е сначала принял за обычное самоуничижение, но теперь ему показалось, что это, скорее, было проявлением глубокой неуверенности в себе. «Как поведёт себя загнанный зверь, вырвавшись на свободу?»

Цао Е посмотрел на удаляющуюся фигуру Лян Сычжэ, задумался, достал телефон и написал Чжэн Иню: «Дядя Инь, когда у тебя будет время? У меня есть вопросы по актёрскому мастерству».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130255>